

«Вкусная»
история
о любви
и дружбе

Мария Ту

ЧУВСТВА,
КОТОРЫЕ ТЫ

вызываешь

Вместе и навсегда

Морин Гу

Чувства, которые ты вызываешь

«Издательство АСТ»

2017

УДК 821.111(73)
ББК 84(7 Сое) 44

Гу М.

Чувства, которые ты вызываешь / М. Гу — «Издательство АСТ»,
2017 — (Вместе и навсегда)

ISBN 978-5-17-111864-8

Клэра Шин – известная в школе бунтарка, которая живет розыгрышами и бывает в кабинете директора чаще, чем любой другой ученик. Когда очередная шутка заходит слишком далеко и грозит отстранением от занятий, отец «приговаривает» ее к работе в семейном фургоне с едой. Наказание ужесточается тем, что все лето рядом с ней должна находиться лучшая ученица школы Роуз Карвер, а в кофейне напротив появился красивый, но излишне правильный парень по имени Гамлет. Такое времяпрепровождение Клэра считает скучным, даже не подозревая, что это лето может стать самым главным в ее жизни.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7 Сое) 44

ISBN 978-5-17-111864-8

© Гу М., 2017
© Издательство АСТ, 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	23
Глава 6	27
Глава 7	31
Глава 8	36
Глава 9	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Морин Гу

Чувства, которые ты вызываешь

Maurene Goo

The Way You Make Me Feel

© 2017 by Maurene Goo

© О. Медведь, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Моим родителям с любовью и благодарностью

*Когда пальмы склоняют верхушки,
Ты не посмотришь, каким я был жестоким,
Лос-Анджелес, и примешь меня обратно.*

Rilo Kiley «Let Me Back In»

Глава 1

Бумажный самолетик был почти идеальным.

Ровные края, острый нос и правильный вес. Я подняла его и прикрыла левый глаз, чтобы нацелиться на сцену. Роуз Карвер – идеальная цель – и ее черная шляпка с короткими полями находилась сегодня в прекрасной форме, лицо блаженно освещалось софитами. Она рассказывала про школьный бал, а я сосредоточенно слушала.

– Клэра, целься в лицо.

Мой взгляд переместился на сидящего рядом Патрика Кина. Он так сгорбился на сиденье, что касался подбородком груди, сложив в немыслимой позе длинные бледные конечности.

– Дурак, это не в моем стиле, – сказала я.

– Да, мы здесь ради смеха, а не слез, – прошептал с другой стороны Феликс Бенавидес. Затем, выгнув брови, посмотрел на меня, выжидая одобрения.

Эти двое знали, как убить шутку. Я окинула взглядом зал, проверяя, не смотрит ли кто из учителей, подняла самолетик и...

– Клэра *Шин!*

Я вздрогнула, бумажный самолетик со стуком упал к ногам. Голос доносился из колонок. Почему Роуз назвала мое имя?

Я поднесла руки ко рту и прокричала:

– ЧТО?

Мой вопрос отразился от обшитых деревянными панелями стен и высоких потолков.

Роуз закатила глаза и выдохнула в микрофон, отчего тот захрипел:

– Я только что сказала, что тебя номинировали на королеву бала среди одиннадцатиклассниц.

Она подняла листок и уставилась на него, не веря своим глазам.

Патрик и Феликс расхохотались и, вытянув руки через меня, дали друг другу «пять». О ГОСПОДИ.

– Я вас прибую, – прошипела я. Когда все начали на меня оборачиваться, в голове созрел план.

Роуз прокашлялась прямо в микрофон.

– Так, другими номинантами стали...

Я встала, и мягкое откидное сиденье с грохотом вернулось на место.

– Спасибо, Роуз! – закричала я. Она нахмурилась, затем прищурилась, чтобы рассмотреть меня. Я театрально вскинула руки. – И спасибо вам, учащиеся, за такую честь.

Я проговорила это громко и четко, а затем осмотрелась. Кто-то из учителей начал подниматься. Надо сделать все быстро.

– Спасибо, что впускаете в свои сердца. Теперь я обещаю: если проголосуете за меня, в Элизиан Хай будут предприняты все необходимые меры...

Меня перебил голос Роуз.

– Ты ничего не должна делать, если станешь королевой бала. Это же не выборы президента класса! – фыркнула она в микрофон. Будучи президентом одиннадцатого класса, она знала это как никто.

– Тем не менее, – грохотал мой голос, – я обещаю вам кое-что, когда стану королевой Кларой.

От такой импровизации меня охватило возбуждение, и тут в голову пришла мысль. Я жестом попросила Патрика передать мне рюкзак. Поймав его, я засунула руку в передний карман на молнии.

– Обещаю, что мы, девушки, не будем заложницами наших тел! У нас будут равные права!

Кто-то из девчонок заплодировал.

Роуз снова заговорила:

– У нас и так равные...

– Поэтому, руководствуясь принципом феминизма... я обещаю, что У НАС ПОЯВЯТСЯ БЕСПЛАТНЫЕ ТАМПОНЫ! – прокричала я, выкинув в толпу зажатые в руке тампоны. Хорошо, что утром я купила новую упаковку, с желтым рисунком, для умеренных выделений. Они взлетели в воздух и приземлились на головы и колени сидящих вокруг нас. Пронеслась волна смеха, и девчонки вскочили с мест, чтобы собрать их с пола, преследуя укатившиеся по проходам. Парни начали кидаться ими друг в друга. Для наведения порядка поднялись и другие учителя. Роуз Карвер слетела со сцены.

Эта суматоха стала для меня как бальзам на душу, и я с триумфом окинула взглядом зал.

– Ты разве не рада, что мы тебя номинировали? – с улыбкой спросил Феликс, засунув в рот зубочистку. Он считал, что с зубочисткой во рту смахивал на Джеймса Дина.

Я пожала плечами.

– Стало интереснее.

– Клэра.

Я повернулась на голос нашего классного руководителя, мистера Синклера, и широко улыбнулась ему.

– Здравствуйте, мистер Эс.

– И тебе привет. Идем, я отведу тебя к директору.

Мистер Синклер был молодым симпатичным светлокожим преподавателем с мужественным подбородком и густыми светлыми волосами; он отвечал за порядок, потому что такого рода собрания всегда проводились во время классного часа. Повезло ему.

Патрик тихо присвистнул.

– Я пойду с вами, мистер Эс. – С этими словами он подмигнул учителю.

Мистер Синклер закатил глаза.

– Не в этот раз. *Клэра*. Идем.

Он поправил очки в светло-коричневой оправе – от такого незначительного занудного жеста на его уроках все впадали в экстаз.

Я схватила рюкзак и не спеша подошла к нему. Когда мы с мистером Синклером направились к дверям, учащиеся уже начали расходиться.

– Отличная выходка, – отметил мистер Синклер, пока мы петляли между выходящими из зала потоками учащихся.

– Я живу, чтобы угождать.

Он покачал головой.

– Ты еще не устала от наказаний?

– Нет, мне их всегда мало.

– Почему бы тебе не направить свое остроумие на учебу?

Как только мы вышли из здания, меня ослепило майское солнце Лос-Анджелеса, и я надела зеркальные очки-авиаторы.

– Вы хотите сказать, что я умная?

Не успел он ответить, как за нашими спинами послышалось мое имя. Я обернулась и скривилась. Роуз Карвер. Высокая, грациозная, с отработанными движениями, она быстро шла в мою сторону. Блузка с цветочным орнаментом была заправлена в джинсы, обтягивающие ее тонкие ноги, а выглядывавшая из-под шляпки стрижка пикси в выгодном свете демонстрировала утонченные черты лица. Роуз была похожа на некогда потерявшуюся дочь Обамы.

Когда она поравнялась со мной, пришлось задрать голову, чтобы посмотреть на нее, и это меня разозлило.

– Что? – спросила я.

Она была сосредоточена и настроена решительно. От нее исходила надменность.

Я ненавидела Роуз Карвер.

Она ткнула меня пальцем в плечо.

– Ты должна это прекратить.

– Прекратить что?

– Всю эту ерунду с королевой бала. Ты повеселилась. Тампоны, ха-ха-ха, – произнесла она, закинув голову назад. Затем снова пронзила меня своим взглядом. – А теперьними свою кандидатуру и позволь победить тому, для кого это действительно важно.

От ее снисходительного тона мне показалось, что боги спустились на землю, дабы со мной заговорить. Я прищурившись посмотрела на нее.

– Ты имеешь в виду себя?

Она закатила глаза.

– Да. Ну, или кого-то другого.

– Ты такая великодушная, всегда думаешь о высшем благе, – произнесла я с улыбкой.

Она на секунду закрыла глаза, словно задействовала весь самоконтроль, который успешные балерины вроде нее, видимо, доводили до совершенства.

– Не для того я несколько месяцев являлась главой комитета по организации бала, чтобы ты превратила все это в фарс.

При мысли о нескольких месяцах, проведенных в заботах о бале, я начала задыхаться.

И встала на цыпочки, чтобы заглянуть ей в глаза.

– Я не стану извиняться за то, что ты впустую потратила часть своей жизни. – Ее глаза сверкнули, и я продолжила: – Знаешь, я думала отказаться. Но ты только что заставила меня передумать.

– *Клэра*, Роуз. Довольно, – сказал мистер Синклер. – Идем.

Перед уходом я похлопала Роуз по руке.

– Увидимся на балу.

– Ты ведешь себя как ребенок! – крикнула она мне вслед.

Не оглядываясь, я направилась по знакомой дорожке в сторону кабинета директора.

Глава 2

Всех хот-догов и острых читос в мире не хватило бы, чтобы насытить Патрика и Феликса. После неизбежного наказания я встретила с ними в одном из супермаркетов «Севен-Элевен», который находился в районе Бульвара Сансет, в нескольких кварталах от Элизиан Хай.

Бульвар Сансет, несмотря на свою широкую известность в массовой культуре, не является гламурной улицей, по которой на кабриолетах разъезжают кинозвезды, хотя бы потому, что протягивается с самого пляжа. А это двадцать две мили. Он начинается у Пасифик-Кост-Хайуэй, проходит мимо коттеджей у Калифорнийского университета, ужасных клубов и комедийных баров в Западном Голливуде, туристических ловушек в центре, стрип-моллов с тайской едой и прачечными в Восточном Голливуде, фреш-баров и дорогих богемных бутиков в Сильвер-Лэйк и тянется до Эхо-парка – быстро отстраивающегося района с кофейнями и закусочными.

Когда я добралась до «Севен-Элевен» и вошла внутрь, меня встретил ледяной воздух кондиционера и электронный звон колокола. Патрик и Феликс вытряхивали из кошельков мелочь, чтобы расплатиться за хот-доги; с ними была девушка Феликса, Синтия Вартамян. Она сидела перед стеллажом для журналов, скрестив худые ноги в тонких черных колготках. Густые темные волосы были спрятаны под вязаную шапочку; она листала последний выпуск «Роллинг Стоун». Эта девушка – невыносимый сноб, считающий себя индивидуальностью из-за знания малоизвестных музыкальных фактов.

Мы с ней не ладили. Во-первых, мы с Феликсом встречались в девятом классе, и она до сих пор не могла с этим смириться. Во-вторых, мне всегда нравилось спрашивать ее про какую-нибудь группу, игравшую по радио. От нее требовалось много терпения, чтобы не начать разглагольствовать о популярной музыке.

– Привет, ребята.

Я бросила рюкзак рядом с Синтией, и она с натянутой улыбкой посмотрела на меня.

– Пожалуйста, не надо раскидывать свои вещи! – рявкнул Уоррен, неотесанный продавец с вечно жирными волосами.

Я открыла упаковку с кукурузными чипсами и закинула один в рот.

– Только если вежливо попросишь, сладкий.

Он покраснел, но промолчал. На самом деле Уоррену нравилось, что мы здесь тусовались. Однажды мы прогнали возможного грабителя, бросаясь в него конфетами и крича, пока парень не избавился от складного ножа и не убежал. С того дня появилось негласное правило, что нам позволено слоняться здесь, сколько захотим. И мы в буквальном смысле этим занимались – слонялись по «Севен-Элевен». Моя юность в итоге запомнится мне продуктами питания «Фрито-Лэй».

– Как дела, будущая королева бала? – спросил меня Патрик и откусил от хот-дога огромный кусок. Он, наверное, потреблял за день больше калорий, чем Майкл Фелпс¹, но при этом выглядел, как готическое пугало.

Я кинула в его голову чипс.

– Спасибо за *это*.

Феликс сверкнул ровными белыми и слегка напоминающими вампирские зубами.

– Это был гениальный ход, придуманный в последнюю минуту.

Он, как и я, жил различными выходками и нарушением порядка. Невысокий и привлекательный, он практически представлял собой мужскую американо-мексиканскую версию меня,

¹ Майкл Фелпс – американский пловец, единственный в истории спорта 23-кратный олимпийский чемпион. Вероятно, имеется в виду миф о «диете Фелпса», которая включает около 10 000 ккал.

но с гораздо лучшей привычкой безукоризненно выглядеть. Именно это и погубило наши отношения – оказывается, когда оба в паре упрямые и легко начинают изнывать от скуки, все быстро становится утомительным.

Если что и связывало нас троих, так это легкость нашей дружбы. Никакой драмы или конфликтов. Мы существовали в тщательно сбалансированной экосистеме расслабленности, одновременно следя за тем, чтобы жизнь всегда была интересной.

И в обычной ситуации мы бы посчитали, что придется вложить слишком много сил, чтобы сделать меня королевой бала. Я посмотрела на Патрика и Феликса, которые втянули нас в это.

– Знаете, вам это вышло боком, ребята. Я собиралась отказаться, но после собрания на меня накинута проклятая Роуз Карвер, – сказала я, усаживаясь на стойку возле кофемашины.

– Клэра!

Я отправила Уоррену воздушный поцелуй.

– Просто не даю ей остынуть.

Он фыркнул, но продолжил раскладывать сигареты.

Патрик нахмурился.

– И что сказала Госпожа Карвер?

– Что я должна отказаться от номинации, потому что мне плевать на победу.

Феликс плюхнулся рядом с Синтией и приобнял ее за плечи.

– А кому не плевать?

Синтия фыркнула и прижалась к Феликсу.

– Дуракам.

Феликс и Патрик засмеялись, а я издала короткий смешок. Шутки Синтии никогда мне не нравились, но я знала, что позже выслушаю от Феликса, если не сделаю вид, что мне смешно. Он всегда просил быть с ней милой, словно мы должны дружить хотя бы потому, что одного пола. Ну, или потому, что его язык побывал в наших ртах.

– Так что, мы это сделаем? Серьезно? – спросил Феликс.

Я кивнула.

– Ага. Отличная работа, придурки. Будем разгребать вместе.

– Хорошо. Значит, нам нужно разработать свою кампанию, – сказал Патрик, бросив в мусорку обертку от хот-дога. – Значки, слоган, все по полной мере.

Я почувствовала, как задергался глаз.

– По полной программе.

Он пожал плечами. Точность – не самая сильная сторона Патрика. Но он был веселым: смешил нас, издеваясь над собственным тощим телом, и потрясаяще пародировал, да так, что однажды я описалась на школьном спектакле из-за того, что он сымитировал назальный голос актера, который на каждой гласной вибрировал из-за мокроты. С Патриком мне никогда не было скучно.

Я прислонилась к стене.

– А я могу просто быть милым лицом кампании?

– Считай нас своими менеджерами, – сказал Феликс, подкармливая Синтию кислыми мармеладками.

Пока Патрик и Феликс обсуждали, как выиграть корону, я листала таблоид про знаменитостей, заставляя Уоррена оценивать каждый наряд.

Только я вошла в нашу квартиру, как в нос ударил запах жареной рыбы. И хотя я всего несколько минут назад съела целую упаковку чипсов (вместе с лакричными конфетами), в животе заурчало от голода.

Играл хип-хоп девяностых; папа обмахивал полотенцем датчик дыма на кухне. Наша кошка Фло спряталась под диван, распушив, как енот, свой полосатый хвост и выставив его на всеобщее обозрение.

– Пап, пахнет так, будто здесь вылили все масло мира, – сказала я, распахивая окна, чтобы проветрить квартиру.

– Да ты прям поэт, малявка, – парировал он, засунул полотенце в задний карман и проверил сковородки, затем повернулся и растрепал мои волосы – длинные, непослушные и с потускневшей светло-лиловой краской на концах.

– Что на ужин? – спросила я и заглянула за его плечо.

– Жареный сом. Нашел крутой рецепт, для которого требуется кляр в духе KFC, – ответил он, накрыв одну из сковородок крышкой-сеткой.

Я взяла со стойки бутылку с рутбиром и сделала глоток.

– Эм, KFC² – типа «Жареный цыпленок из Кентукки»?

– Нет, это «Жареная кукуруза в кляре».

Когда я засмеялась, в носу запузырился рутбир. Я закашлялась, и папа сильно ударил меня по спине.

Мой отец, Эдриан, всегда экспериментировал с рецептами. Он владел фургоном с едой, где по совместительству был поваром. Он работал в ресторанах еще до моего рождения, начав с должности мойщика посуды, когда эмигрировал сюда из Бразилии (кстати, «Эдриан» – это «Адриано» на американский манер). Самыми яркими воспоминаниями моего детства были вечера, когда он после поздней смены забирал меня у няни и нес спящую на плечах домой. Наконец, два года спустя, он накопил достаточно денег, чтобы открыть собственный фургон «КоБра» – слияние Кореи и Бразилии в прямом и переносном смысле. Мои бабушка с дедушкой преодолели путь из Сеула в Сан-Паулу – город, хорошо известный корейскими иммигрантами, где и родился папа. За несколько месяцев до моего рождения родители переехали в Лос-Анджелес. Еда была отражением папиного воспитания. Папино корейское лицо и английский с португальским акцентом всегда сбивали людей с толку. Но с женщинами – какая мерзость – это, наоборот, играло на руку.

И хотя фургон не завоевал дикий успех, у него имелись преданные поклонники. Но папа мечтал открыть ресторан. Он надеялся, что «КоБра» станет трамплином.

Я запрыгнула на стойку и теперь, размахивая ногами, наблюдала за его готовкой.

– Угадай, что?

– Что? – Он сбрызнул выложенные на чугунную сковородку зеленые бобы оливковым маслом.

– Меня номинировали на звание королевы бала.

Он озадаченно посмотрел на меня и неуверенно улыбнулся.

– Ты серьезно?

– Да, мою кандидатуру выставили Патрик и Феликс, так что теперь я среди номинантов. А значит, ребята могут решать, голосовать за меня или нет.

Папа рассмеялся, открыл духовку и засунул в нее сковородку с бобами.

– Ты? Королева бала? Я бы заплатил хорошие деньги, чтобы на это посмотреть.

– Да-да, знаю. И я не собиралась воспринимать все всерьез, пока эта чопорная гадина не потребовала отказаться. Поэтому я остаюсь в игре.

Он закрыл духовку, улыбаясь, выпрямился и вытер руки о полотенце.

– Ах, моя Клара вечно мутит воду.

Папа произносил мое имя иначе: Клара, а не Клэра.

² KFC (англ. Kentucky Fried Chicken) – сеть ресторанов общественного питания, название которой переводится как «Жареный цыпленок из Кентукки».

– Конечно, – кивнула я.

– Когда бал?

Я пожала плечами.

– Не знаю. Вероятно, скоро, ведь учебный год почти закончился.

– Время пролетает незаметно, малявка. Поверить не могу, что в следующем году ты оканчиваешь школу. Ощущаю себя стариком.

Я фыркнула.

– Ты на двадцать лет моложе других отцов.

Папе всего тридцать четыре; я родилась, когда ему было восемнадцать – всего на пару лет больше, чем мне сейчас. Патрик называл нас «Девочками Гилмор».

– Ты каждый день прибавляешь мне годков, – сказал он, шлепнув меня полотенцем по ноге. – Накрой на стол.

Я взяла тарелки и направилась к круглому обеденному столу, устроившемуся в небольшом закутке нашей квартиры. Фло наконец покинула свое убежище и теперь терлась о мои ноги.

– А с тобой сегодня произошло что-нибудь настолько же грандиозное? – поинтересовалась я.

– Нет. – Он сделал паузу. – Вроде как.

Я отодвинула в сторону стопку счетов и конвертов.

– Уверен?

– Вивьен этим летом не может работать в «КоБре» – ей предложили стажировку на киностудии.

– Кошмар, – сказала я, отодвигая еще одну стопку конвертов.

– Теперь надо найти ей замену. *Интересно, кого?* – Он начал говорить нараспев.

– Прекрати.

Папа вздохнул.

– Попробовать стоило.

Отец пытался уговорить меня работать в «КоБре», как только открыл фургон. Но мне хотелось умереть от одной только мысли о нескольких часах, проведенных в жарком тесном месте. Хотя папа и превратился из неопытного юнца в мужчину с мечтой, я была рада и дальше в это не вмешиваться.

– Все будет хорошо, – утешила я его. И тут на глаза попала яркая открытка.

Я сразу поняла, от кого она. На лицевой стороне был изображен оживленный рынок с красивыми корзинками и пестрыми тканями. При виде знакомого почерка на обратной стороне я не смогла сдержать улыбку. Большими округлыми буквами было написано:

Моя дорогая Клэррррра,

В следующую мою поездку в Марракеш ты просто ОБЯЗАНА поехать со мной. Это было невероятно. В отеле, где мы остановились... уф! В НОМЕРЕ фонтаны. Плитка чумовая. Я купила тебе несколько ШИКАРНЫХ побрякушек. А мужчины здесь не простаки.

Скучаю по тебе, дочка. Но СКООООООРО увидимся! Нас ждет Тулум!

X x x X x x x X

Мэй

Контраст между маминной жизнью и моей никогда не казался таким большим, как в этот момент, когда я читала открытку об ее путешествиях, купаясь в запахе жареной рыбы. Она работала «инфлюенсером» в соцсетях и получала деньги за путешествия по крутым местам.

– Почему август та-а-ак далеко? – заныла я, убирая открытку в задний карман. Мама пригласила меня летом в Тулум, и теперь я считала дни, минуты и секунды. Ее было очень

сложно отследить, потому что эта женщина постоянно перемещалась. Когда мы виделись в последний раз, она заехала в город на *двенадцать часов* ради презентации какой-то сумки в «Шато-Мармон». И я не шучу.

Папа, не отрываясь от готовки, издал какой-то непонятный звук. В то время как многие считали шикарной мамину жизнь, состоящую из путешествий по всему свету, папа с трудом ее терпел. Наверное, это связано с тем, что она ушла от него, чтобы следовать своим мечтам. Сначала школа дизайна, которую она бросила сама. Затем модельный бизнес, который папа уговорил ее бросить из-за булемии. А теперь это четыре миллиона подписчиков, которые следят за тем, как красотка путешествует по миру.

Иногда я задавалась вопросом, связана ли папина осторожность с их отношениями, оказавшимися большой ошибкой. Эта ошибка сильно повлияла на нашу семью. Папа на некоторое время выпал из жизни, ведь ему пришлось воспитывать меня, когда он сам еще был ребенком. Мне кажется, чтобы разделить с кем-то свою жизнь, требуется приложить очень много усилий. И если учитывать, чем все закончилось для моих молодых родителей... Я всегда считала эту историю поучительной.

– Двигайся, – потребовал он, проходя мимо меня с шипящей рыбой на сковородке. Поставил ее на потертую голубую подставку и взглянул на меня. – Ты проверила срок действия своего паспорта?

– Нет, но сегодня проверю! – пообещала я и заняла место за столом.

Я не могла дождаться. Эти две недели станут лучшими в моей жизни.

Глава 3

Я прицепила на платье сделанный Патриком значок. Он был огромным, круглым, со сверкающими блестками и изображением тампона со словами: «Голосуйте за яичники, голосуйте за Клэру».

Последние пару недель мы потратили на проведение кампании, выжав из истории с тампонами все, что только можно. И вот настал вечер бала. Одиннадцатый год обучения подошел к концу, и, возможно, сейчас я должна была сосредоточиться на чем-то другом, но...

Мы *всегда* убеждаем себя думать о более важных вещах, верно? А я предпочитала жить *этим моментом*.

И в *этот* момент в моей захламленной спальне громко играла музыка, а розовые мерцающие лампочки погружали комнату в полутьму. Я встала на отвратительный фиолетово-коричневый тканый коврик, купленный папой, когда мне было десять. Отражение в большом зеркале, прикрученном к двери, поразило меня, и я прикрыла рот рукой. *О господи*.

На мне было приобретенное в «Гудвилле» персиковое платье в пол с тонкими лямками и утягивающим корсетом. Учитывая мой рост в сто пятьдесят семь сантиметров, я выглядела, как маленькая девочка, примеряющая мамину одежду. Подол собрался у ног, поэтому пришлось надеть ботинки на платформе. *Так-то лучше*. Волосы были убраны в несвойственную мне высокую прическу с выпущенными у щек завитыми прядями. Я потянулась к столу, заваленному косметикой, книгами и ручками, за губной помадой кораллового оттенка и прошлась ею по губам.

Идеально.

Я схватила куртку из искусственной кожи с отделкой из искусственного меха и, накинув ее на себя, отправилась вниз. Папа устроился на диване в своей счастливой черной кепке «Доджерс» и смотрел бейсбол. Услышав мой топот, он поднял голову.

– *Meu Deus*³, – выпалил он и чуть не свалился от смеха с дивана.

– Именно этого я и добивалась, – сказала я и покружилась. На телефон пришло сообщение – за мной приехали Патрик, Феликс и Синтия.

– Хорошего вечера, пап. Пожелай мне удачи! – крикнула я, подхватив у двери скейтборд. Папа помахал, все еще лежа на диване.

– Удачи, малявка. Надеюсь, обойдется без неприятностей.

Я открыла входную дверь.

– Само собой!

Когда мы приехали, первым делом я увидела Роуз Карвер. Она приветствовала всех в дверях столовой и раздавала небольшие листочки. Роуз выглядела как истинная королева бала – в воздушном платье с темно-голубыми рукавами и глубоким вырезом, демонстрирующим ее точеные плечи. Оно было коротким, поэтому ноги в золотистых туфлях с ремешками казались бесконечными.

Когда я подошла, она протянула мне листок, поджав губы.

– *Тебе* это точно понадобится.

Я посмотрела на него, склонив голову, а затем взяла.

– Что за взятку ты раздаешь в последний момент?

Это был купон на аренду автомобиля.

– Чтобы не ехали домой пьяными, – заявила она, многозначительно взглянув на меня и нашу компанию.

³ *Meu Deus* – боже мой (с порт.)

Синтия хохотнула. Я улыбнулась.

– Какая ты заботливая. Быть твоей королевой – привилегия.

Патрик взял один из флаеров.

– На всякий случай, – проговорил он.

Уголки ее губ цвета фуксии опустились.

– Знаешь, люди ездят пьяными. И это реальная проблема.

– Что ж, спасибо! – радостно произнесла я, подняла скейтборд и, спрятав его под платье, направилась в столовую.

Остаток бала, как и ожидалось, прошел до одурения скучно. Если бы я увидела еще хоть одного парня, танцующего как Бруно Марс, то сожгла бы его заживо. И темой вечера почему-то была «Тысяча и одна ночь», что я посчитала оскорблением. Эта тема отразилась лишь в ярких шарфах, развешенных по столовой, и укрывавших пол коврах.

Мы убивали время, фотографируя целующихся или ощупывающих друг друга на танц-поле.

А затем пришло время объявлять короля и королеву бала, свет приглушили, и на сцену поднялась Роуз. Ее освещал лишь прожектор, а в украшенных в марокканском стиле лампах мерцали светодиодные свечи.

– Добрый вечер, одиннадцатиклассники Элизиан Хай!

По залу прокатились аплодисменты и улюлюканье. Кроме Синтии, которая неодобрительно засвистела, как всегда еле заметно подрывая дисциплину.

– Пора сделать то, чего вы так долго ждали – объявить короля и королеву!

Снова одобрительные возгласы. Кто-то прокричал: «КЛЭРА!», и я помахала.

Роуз наигранно торжественно открыла конверт, словно собиралась вручать «Оскар».

– Барабанная дробь, пожалуйста! – скомандовала она. Мы застучали по столам, а Феликс и Патрик делали это с таким рвением, что стол начал подпрыгивать.

– Королем бала одиннадцатого класса Элизиан Хай стал... Дэниел Гонзалес! А его королевой... ох, Клэра Шин.

Сначала все ахнули, а потом зазвучали оглушительные аплодисменты. Я встала, вскинула руки в воздух и дала «пять» Патрику, Феликсу и Синтии. Патрик передал мне спрятанный под стол скейтборд. Я запрыгнула на него, а ребята встали по обе стороны от меня и подтолкнули к сцене. Медленно пробираясь вперед, я махала правой рукой, словно участница конкурса красоты, и широко улыбалась. На сцене меня поджидали Дэниел Гонзалес и Роуз – он топтался на месте в короне, а она прожигала меня взглядом.

Когда я добралась до них, ко мне наклонился Патрик и прошептал:

– Все готово.

Я кивнула.

– Ждите, когда я скажу «честь», и опрокидывайте.

Вместо того чтобы подняться по ступенькам, я полезла на сцену, задрав платье и заработав очередной визг публики. Я вскинула им средний палец и подошла к Роуз. Она надела на мою голову тиару; каждая часть ее тела оказывала сопротивление, точно корону пыталось вырвать из ее рук какое-то привидение.

Затем она с той же неприязнью протянула мне розовую атласную ленту, но я склонила голову, чтобы Роуз сама надела ее на меня. Та невнятно что-то пробормотала и быстро перекинула ленту через мою голову.

Когда я повернулась к толпе, все снова начали аплодировать, и я прикрыла глаза, наслаждаясь этим звуком, поддерживая свое безумное амплуа. Затем посмотрела на Дэниела.

– У тебя будет речь?

Он скривился.

– Речь? Нет.

– Хорошо. – Я снова повернулась к толпе и подошла к микрофону. – Дорогие мои, замечательные одноклассники. Не могу поверить, что наконец стала королевой ваших сердец. Я мечтала, нет, *молила* об этом моменте с самого детства. – Кто-то рассмеялся. Роуз громко прокашлялась за моей спиной. Я продолжила: – Обещаю вам, что следующие два часа моего правления будут для вас очень интересными. Скажем «нет» скуке. – Я посмотрела на стоящего сбоку от сцены Феликса и еле заметно кивнула. – Для меня это действительно большая *честь*.

Как только прозвучали эти слова, на мою голову полилось что-то холодное, сбив с нее корону. За несколько секунд я оказалась с ног до головы в крови.

Кто-то закричал, кто-то засмеялся. Я моргнула, и с ресниц потекла фальшивая кровь. А когда посмотрела направо, Феликс тут же сорвался с места. Замечательно. Я улыбнулась и почувствовала, как красная жидкость попала в рот. Медленно повернулась ко всем и подняла руки. Смех в зале стал нервным.

А теперь финал. Драматично подняв корону, я открыла рот, чтобы закричать, но не успела – кто-то слева так сильно толкнул меня, что я упала, поскользнувшись в красной жиже.

Я вытерла лицо и увидела склонившуюся надо мной Роуз Карвер, еле удерживающую равновесие на каблуках. *Какого ЧЕРТА?* Не успела я среагировать, как она выхватила у меня корону.

Затем, как мечом, указала ею на меня.

– Ты. Маленькая. *Психопатка*.

Микрофон подхватил это слово и разнес по всей столовой. В зале воцарилась убийственная тишина.

Из меня вырвался смех. Вышло *намного лучше*, чем я планировала! Я знала, что Роуз взвинчена, но это – новый уровень безумия. Скользя руками по полу, я поднялась. К сцене направлялись учителя.

– Тебя за это точно отстранят, – радостно произнесла я.

Ее глаза, мечущие молнии, стали еще больше.

– Ты думаешь, это смешно? Это для тебя какая-то шутка? Ты *испортила бал!*

Я закатила глаза, потянулась и забрала у нее корону.

– Займись своей жизнью.

Попыталась водрузить ее на голову, но Роуз схватила меня за руку.

Я вцепилась в тиару и потянула, с наслаждением наблюдая, как она пытается удержаться на ногах. Но одна из ее красивых туфелек заскользила, и Роуз полетела на меня. Мы повалились на пол, и мою спину пронзила острая боль, когда она с удивленным вздохом приземлилась на меня.

– *Слезь*, – прохрипела я, запаниковав – быть раздавленной горой мускулов, принадлежащих балерине, входило в десятку моих самых больших страхов. Я попыталась ее скинуть.

– Я *стараюсь!* – закричала она и подтвердила свои слова, пнув меня коленом в живот.

– Ай! – заорала я.

– Извини, я не...

Но было слишком поздно. Я схватила ее за короткие волосы.

– Как меня это достало! – воскликнула я. Она снова закричала и вцепилась в мои запястья. Мы обе купались в крови, поэтому ей было сложно меня удержать.

– *Клэра! Роуз!* Немедленно прекратите! – зазвучал где-то вдали голос мистера Синклера.

Кто-то положил руки Роуз на плечи, но она стряхнула их, все еще отчаянно цепляясь за меня. Мое дыхание ускорилось, а сердце заколотилось так сильно, что я ощутила вибрацию в голове.

– Не могу дышать! – воскликнула я.

– Мне плевать! – прорычала Роуз и отпустила мою руку, чтобы потянуться за короной, которая в этот момент находилась под моей головой и впивалась в нее. Все начало болеть, во мне нарастала паника.

– Прекрати! Прекрати! *Прекрати!* – кричала я.

Теперь нас растаскивало несколько человек. Как только я освободилась от смертельной хватки, правая нога запуталась в каких-то проводах. Роуз воспользовалась этим и снова рванула ко мне, вырвавшись из рук сдерживающих ее учителей. Внезапно ее рука попала в болтающуюся цепь прожектора.

Прожектор полетел вниз и разбился о пол. Мы обе уставились на него, а затем с потолка посыпались остальные лампы. Я застыла на месте, а Роуз отпрыгнула назад. Стекло рассыпалось на части, и в стороны полетели искры, попав в лужу фальшивой крови. А затем кровь загорелась. *Ничего себе.*

Послышались крики; мистер Синклер подбежал к огню, одним быстрым движением скинул с себя пиджак и принялся тушить его. К микрофону подбежала учительница английского, мисс Люн:

– Всем сохранять спокойствие, но начинайте организованно пробираться к выходам и...

Ее речь потонула в топоте и криках.

Я спускалась по ступенькам, когда слева от меня загорелся темно-синий занавес. Я отпрыгнула назад и закричала:

– *Боже мой!*

Кто-то оттолкнул меня к лестнице.

– Торопись, идиотка! – закричала за моей спиной Роуз.

Мы спустились; вслед за нами бежали учителя, включая мистера Синклера, который оставил на сцене превратившийся в горящий комок пиджак, окруженный полыхающей фальшивой кровью.

Напоследок оглянувшись, я поспешила к выходу; в лицо ударил прохладный вечерний воздух. Вдалеке раздался звук сирены.

Глава 4

Кабинет директора находился достаточно далеко от столовой, чтобы в нем не пахло дымом. Вместо этого здесь присутствовал запах несвежего кофе и свечи с тошнотворным ароматом корицы и тыквы. Я развалилась на зеленом стуле из стеклопластика лицом к директору Сепульведа. Она сидела за столом и неодобрительно смотрела на меня.

– Клэра, ты измажешь кровью весь стул.

Стул закрипел, когда я выпрямилась – на подлокотнике тут же появилось пятно, когда я коснулась его рукавом куртки. Я посмотрела на директора и пожала плечами.

– Мне кажется, это бесполезно. Вы же потом можете ополоснуть их водой, верно?

– Или ты можешь сидеть, как нормальный человек, – пробормотала сидящая рядом Роуз. Она устроилась на самом краешке, вскинув подбородок и скрестив ноги, словно дама королевских кровей.

Кстати, крови на ней было очень много. На щеке красовалось жирное пятно, на шее отпечатки рук, а платье представляло собой абстрактную картину из синего и красного.

– Помолчите обе, – рявкнула директор. – Больше ничего не хочу от вас слышать, пока здесь не появятся ваши родители.

Строгий тон очень разнился с ее внешним видом – она была одета в кофту, накинутую поверх тонкой ночной сорочки с цветочным рисунком. Когда час назад ей позвонили из пожарной части, она лежала в кровати и смотрела криминальные шоу.

Огонь потушили; к счастью, пожарные успели до того, как он выбрался за пределы столовой. Все отправились домой, но директор Сепульведа внезапно появилась и загнала нас с Роуз в свой кабинет. Мистер Синклер сидел в углу и изо всех сил старался не уснуть. Похоже, она вызвала его в качестве подкрепления.

– Директор Сепульведа, – начала Роуз своим властным голосом, – разве не разумнее обсудить это в понедельник? Мы здорово перепугались.

Какого черта? Кто, вообще, так разговаривает? И неужели взрослые попадают на эту удочку?

– Нет. – Слово рассекло воздух, точно нож.

Я усмехнулась.

– Отличная попытка.

Роуз проигнорировала меня и занялась своими ногтями. О, теперь, значит, она выше этого? И куда делось все ее самообладание на сцене, когда она слетела с катушек и бросилась на меня?

Я снова посмотрела на Роуз, и во мне все закипело – это из-за нее я застряла в полночь в кабинете директора. Не верится, что она снова загнала меня в эту ловушку.

Потому что именно из-за Роуз Карвер я получила свое первое отстранение от уроков в девятом классе.

Тогда я в первый раз попробовала курить. Нервно подкулив сигарету в кабинке туалета, я услышала, что кто-то вошел, и замерла посреди затяжки. Через секунду распахнулась дверь в кабинку, которую я забыла запереть, и передо мной возникла ее крепкая фигура. Она бросилась стучать на меня прежде, чем я успела ее остановить. Первая сигарета стала причиной первого отстранения.

После такого я заимела репутацию человека, который вечно попадает в неприятности. Сначала меня это беспокоило – разве я хотела отправиться в старшую школу с таким ярлыком? Но он остался, и я ничего не смогла с этим сделать. Учителя не ждали от меня ничего хорошего, и я смирилась.

Так было легче и почти всегда веселее. Я видела, как моих друзей из средней школы затягивало в жестокую погоню за университетами. Чем дальше мы отдалялись друг от друга, тем сильнее я сближалась с Патриком и Феликсом, которые находились со мной на одной волне.

А Роуз? Она была лучшим примером всей этой скукоты старшей школы. Все в ней выводило меня из себя: ее неспособность расслабиться; необъяснимое влечение следовать правилам; склонности стучать и необходимость быть первой в этой жизни. Поэтому, когда выпадала такая возможность, я превращала ее жизнь в беспорядок и хаос. Подкалывала ее и раздражала, когда могла. Например, во время ее участия в танцевальном конкурсе я устроила флешмоб. А потом посыпала сахаром весь латук в салатном баре, где она каждый день покупала обед. И любое следующее за этим наказание того стоило.

Прошла вечность. Я задремала, склонив голову под странным углом и укутав платьем ноги, как вдруг распахнулась дверь.

– Роуз! – К ней подбежала изящная темнокожая женщина. Она была очень похожа на Роуз, только пониже и с длинными волнистыми волосами, идеально уложенными даже в такой момент. Ростом Роуз явно пошла в папу – высокого и привлекательного темнокожего мужчину с еле заметной благородной сединой в черных волосах, который вошел вместе с женой.

– Ты в порядке? – Мама схватила ее за плечи и выпучила глаза. – О господи, почему ты вся в крови? – Она перевела взгляд на меня. – Почему вы *обе* в крови?

– Она ненастоящая, мам. Я в порядке, так, ерунда, – произнесла Роуз с надменной уверенностью, которая обычно так меня бесила. Но сейчас я была благодарна за нее и надеялась, что она вытащит нас из сложившейся ситуации.

Но ее маму было не так-то просто обмануть. Она выгнула тонкую бровь и повторила:

– «Так, ерунда?»

Впервые Роуз явно стало неловко, и она заерзала на стуле, сцепив руки.

Никто не успел отреагировать, потому что дверь снова открылась, и в кабинет заглянул папа в кепке. *Да-а-а, пора отсюда валить.*

– Заходите, мистер Шин, – сказала директор Сепульведа, махнув ему.

– Зовите меня Эдрианом, – ответил он и нехотя вошел. Папа в детстве столько раз попадал в неприятности, что даже не окончил старшую школу. Поэтому всегда нервничал, когда появлялся на территории учебного учреждения.

Увидев меня, он не поверил своим глазам.

– Что с тобой случилось? Ты в порядке?

– Это фальшивая кровь, – опередила меня с ответом миссис Карвер. Гены власти во всей красе.

Взрослые неловко окружили нас.

– Итак... – начал папа Роуз, прокашлявшись.

Директор Сепульведа обошла стол и прислонилась к нему бедром, скрестив руки и глядя на нас. Эта высокая женщина раньше занималась спортом и даже в ночной сорочке выглядела устрашающе.

– Ваши дочери сегодня на балу устроили представление.

– Столовая в порядке? Насколько сильным был пожар? Кто-нибудь пострадал? – включила режим профессионального адвоката мама Роуз. Джоанна Карвер была популярна во всем Лос-Анджелесе, потому что несколько лет назад являлась обвинителем по крупному делу об избиении задержанного полицейскими. Ее даже поместили на обложку журнала «Эбони» и дали звание «Самой красивой женщины».

– Миссис Карвер, пожар был потушен, горела только сцена. И слава богу, что никто не пострадал. Но не благодаря этим двум.

Папа взглянул на меня.

– Так что именно случилось?

Директор Сепульведа показала на нас.

– Почему бы *вам* не рассказать нам, что именно случилось? По словам мистера Синклера, это было очень странно.

Притаившийся в углу мистер Синклер начал вставать, подняв руку, как спрашивающий разрешения ученик.

– Эм, мне кажется, все произошло потому, что Клэра стала королевой бала.

– Ты *победила*? – Папа развернулся ко мне. Я пожала плечами.

– Да, она *победила*, – вмешалась Роуз. – И для нее это был прикол. Она поднялась туда *на скейтборде* и произнесла речь. Кто так поступает? А потом... была самая лучшая часть: один из ее лакеев опрокинул ей на голову целое ведро крови.

Папа хохотнул. Директор Сепульведа укоризненно посмотрела на него, и он сделал вид, что кашляет.

Мама Роуз вскинула руки в воздух.

– И что, Роуз?

В этот же момент ее папа посмотрел на меня.

– О, как Кэрри⁴?

На секунду лицо Роуз исказилось от недовольства, и она взглянула на маму.

– И что?! Мама, она все превратила в *шутку*.

– Ну, Роза, это не самое важное в мире, – раздраженно произнес ее отец.

Голос Роуз задрожал от эмоций.

– *Мне* это важно!

В кабинете стало тихо, и я заерзала на стуле. Отношение Роуз к балу серьезно подрывало мой образ приколистки. Сколько я ее знала, она никогда так не переживала.

– Хорошо, и что произошло потом? – спросила ее мама более сдержанно. Роуз упрямо поджала губы.

Мой папа демонстративно медленно развернулся и посмотрел на меня.

Я вздохнула и с грохотом опустила ноги в ботинках на линолеум.

– Эта чокнутая меня атаковала.

Папа закатил глаза.

– Клэра, да хватит уже.

– Это правда! Расскажите им, мистер Синклер!

Я повернулась и уставилась на него.

Он прокашлялся.

– Ну, и правда казалось, что это Роуз начала драку.

Миссис Карвер уставилась на дочь.

– Это правда?

Роуз, которая сидела, уставившись куда-то перед собой, молча кивнула.

– Да, ты *знаешь*, что это правда, – сказала я. – Она в буквальном смысле попыталась стянуть эту дурацкую корону с моей головы, а потом... началась драка и все остальное.

Миссис Карвер перевела взгляд на меня.

– Ты можешь объяснить, что произошло?

Черт, неудивительно, что Роуз настолько тщательно подбирала слова. Хотя я и пыталась сохранять спокойствие, став центром внимания миссис Карвер, я словно попала под «Око Сау-рона».

– Мы подрались.

– В прямом смысле этого слова? – спросила она в этот раз чуть громче.

– Ага. Ваша дочь точно знает, как сражаться грязно.

⁴ Кэрри – героиня одноименного американского фильма 1976 года.

Папа пихнул меня.

– Следи за словами. – Он взглянул на родителей Роуз, и на его лице отразился глубокий стыд за то, что я его дочь. – Уверен, это вина Клэры. Она выкинула этот трюк, чтобы спровоцировать окружающих, именно так и произошло. Она может взять на себя всю ответственность.

– Что?! – воскликнула я.

Но миссис Карвер уже качала головой.

– Нет, Роуз тоже виновата – потеряла контроль. – Она снова повернулась к дочери. – Позже все обсудим.

Директор Сепульведа подняла руки.

– Виноваты *обе* девочки. Клэра, ты выкинула очередной трюк с этой фальшивой кровью, который оказался не только... неприятным, но и опасным. Эта жидкость была легковоспламеняемой. – Папа опустил голову и покачал ею. Директор Сепульведа посмотрела на Роуз. – А ты начала драку. И все это привело к тому, что наша столовая *чуть не сгорела*. Вы обе отстранены от занятий на неделю.

– Отстранены?! – прокричала Роуз, вскочив со стула. – Меня нельзя отстранять! Это просто смешно!

– ИЗ-ЗА ТЕБЯ НАЧАЛСЯ ПОЖАР!

Громкий голос директора напугал нас, и у меня начался непроизвольный нервный смех, заставивший всех повернуться. Папа смерил меня каменным взглядом. С тех пор как он вошел, что-то изменилось – его обычно расслабленное, доброжелательное поведение сменилось чем-то суровым и грозным.

– Эту особу очередное отстранение ничему не научит, – спокойно произнес он.

Простите? *Эта особа*? Я открыла рот, чтобы ответить, но он поднял руку.

– Молчи. Ни слова. Ты возместишь ремонт столовой, работая в «КоБре» все лето.

– ЧТО? – В этот раз я вскочила со стула. – Ни за что. А как же Тулум?

Папа решительно покачал головой.

– В этом-то и наказание. Вся твоя зарплата за это лето пойдет на возмещение ущерба школе.

Не успела я ответить, как мистер Карвер принялся щелкать пальцами, и этот звук разнесся по кабинету, словно фейерверк.

– Подождите! «КоБра»? Вы имеете в виду бразильско-корейский фургончик с едой?

Папа удивленно заморгал.

– Да. Именно его.

– Вы владелец? – спросил мистер Карвер, восторженно подходя к нам.

– Да. Эдриан Шин, – сказал папа, протягивая руку. Мистер Карвер крепко пожал ее. Он был таким высоким, что папа рядом с ним смахивал на двенадцатилетнего мальчишку.

Мистер Карвер снова растянулся в улыбке.

– Джонатан Карвер. Зовите меня Джоном. Потрясающе! Мне нравится ваша еда. Я раньше работал в центре, в банке на Шестой, мимо которого вы проезжали.

Мой папа оживился.

– О, подождите! Да, я узнаю вас. Пастель с кимчи?

– Правильно! – Оба расхохотались, как старые приятели по гольфу. Я скривилась.

– А мы можем обсудить это потом?

Мистер Карвер посмотрел на меня, и его лицо озарилось.

– Эдриан, как думаете, Клэре летом не помешает лишняя пара рук?

Папина кривоватая улыбка, которая обычно всех очаровывала, вызвала у меня мурашки по всему телу.

– Да... *определенно* не помешает.

Они оба повернулись к Роуз, которая обмахивала лицо. Та сделала паузу и уставилась на них.

– Что?

Мистер Карвер указал на нее.

– Если Эдриан не против, ты тоже работаешь этим летом в «КоБре».

Роуз застыла.

– Что?! – провизжала она, вытянув руки.

– Ты меня слышала. С шестого класса ты была занята в летней школе и на стажировках – пора бы узнать, что значит старая добрая летняя работа. С минимальной зарплатой.

Он посмотрел на папу, и тот кивнул.

Мама Роуз собралась протестовать, но мистер Карвер подал ей сигнал, и она кивнула:

– Это отличная идея. *Все* заработанные вами деньги пойдут школе. Как вам, директор Сепульведа?

Я была слишком ошарашена, чтобы говорить. Что тут творится? Директор Сепульведа и наши родители устроили тайное совещание, а мы с Роуз беспомощно стояли и ничего не могли сделать.

– Я все еще отстранена от уроков? – спросила Роуз, уперев руки в бока. – Эй!

Но они уже увлеклись разговором. Я пнула стул, на котором сидела, отчего он зашатался, но не перевернулся.

Все меня проигнорировали.

Наконец взрослые разошлись по сторонам, все выглядели довольными. Директор Сепульведа надела куртку.

– Итак, девочки. Ваши родители убедили меня не спешить с отстранением, так как осталось всего две учебных недели. Если будете работать все лето, чтобы расплатиться за ущерб, можем вернуться к этому вопросу в начале следующего года.

Роуз расслабилась, но не я.

– Просто отстраните меня! Не впутывайте меня в эту сделку ООН! – прокричала я.

Директор хмыкнула.

– Лето будет интересным, Клэра.

Я беспомощно посмотрела на папу, но его лицо по-прежнему было мрачным. Он повернулся ко мне спиной и направился к двери. Когда я обернулась к Роуз, наши взгляды встретились. Я нахмурилась; в ее глазах вспыхнула ненависть, но затем она эффектно вышла из кабинета.

Ты положила начало этому бреду, Роуз Карвер. Готовься к самому худшему лету в своей жизни.

Глава 5

На последние две учебные недели папа наказал меня. Мне запретили видеться с Патриком и Феликсом вне стен школы. Они сочли это забавным. Я ездила на учебу, а потом сразу возвращалась домой.

– Что насчет Тулума? – спросил Патрик, когда я рассказала ему о летнем наказании. Клянусь, он интересовался моей поездкой в Тулум больше меня. Патрик и Феликс были своего рода влюблены в мою маму. Ее жизнь полностью состояла из целеполагания. Иногда единственным, что помогало мне пережить старшую школу, было понимание, что такая же жизнь, как у мамы, очень даже возможна. Технически она проживала в Сан-Паулу, но редко появлялась дома – никогда не оставалась в одном месте, чтобы не заскучать или не погрязнуть в сложных отношениях. Если чья жизнь и могла являться для нас образцом для подражания, так это ее.

Я заверила Патрика, что папе не удастся держать меня там все лето. Он сдастся, потому что именно так всегда и происходило. Особенно в этом году, ведь я не буду видеться с мамой так же часто, как обычно. Она всегда появлялась на мой день рождения и праздники, невзирая на расписание. И я всегда ездила к ней дважды в год, обычно в Нью-Йорк или какой-нибудь другой крупный город. Но на прошлое Рождество она заболела и застряла в Таиланде, а я не смогла выбраться к ней во время весенних каникул, так как к нам приезжали бабушка с дедушкой. Так что папа ни за что не лишит меня еще одной встречи с ней.

Думая об этом, я согласилась на наказание. Никуда не выбиралась тайком, ведь наш сосед, мистер Рамирез, тут же настучал бы на меня. Он фактически жил рядом с моей комнатой и стал первым свидетелем того, как я пила, приглашала к себе парня и вылезала в окно спальни. Мне казалось, такие, как он, существовали только в 1950-х.

Поэтому последние две учебные недели были заполнены «Нетфликсом» и отдыхом. В буквальном смысле. И каждый день вселял в меня больше страха, чем предыдущий, так как я знала, что приближалось мое наказание с Роуз. Пусть я понимала, что оно закончится досрочно, но меня тошнило от одной только мысли о том, что я проведу с ней время.

* * *

В первый понедельник летних каникул я проснулась под распахивание занавесок – комнате затопил солнечный свет.

– Bom dia⁵, дочка! – радостно объявил папа, попивая кофе из огромного термоса.

– Нет! – закричала я и кинула в него подушку.

Он легко откинул ее в сторону.

– Да.

Когда мои глаза привыкли к возмутительному количеству света, я увидела в папиных руках футболку с символикой «КоБры» и кепку.

– Я это не надену.

– Извини, ты думаешь, что в этом вопросе у тебя есть *выбор*?

Солнечный свет величественно окутал его и теперь папа напоминал пылающего ангела.

– Который час? – проворчала я и схватила с тумбочки телефон.

Он сделал глоток.

– Шесть утра. Сегодня нам нужно пополнить ингредиенты, так что смена ранняя.

⁵ Bom dia – добрый день (с порт.)

Уф.

Как можно сильнее растянув утреннюю рутину, я встретила с папой на кухне, где он готовил сэндвичи с яйцом.

– Поверить не могу, что ты действительно заставляешь меня это делать.

Я поставила локти на кухонную стойку и принялась пинать перекладину стула.

Он разбил яйцо над чугунной сковородкой, и та громко зашипела.

– А ты поверь.

– Ты такой странный. С каких это пор ты меня наказываешь?

Папа оторвался от готовки и посмотрел на меня. Под его серьезным взглядом я почувствовала себя неуверенно.

– Знаешь, мелкая, сам этот вопрос – проблема, тебе так не кажется?

– Нет, – пробормотала я и сделала глоток молочного чая масала, приготовленного папой. Обычно именно так я и завтракала – индийским чаем, приготовленным со специями в покрытой пятнами и с обитыми краями чашке «Доджерс», такой же большой, как моя голова.

– Это проблема, потому что я – *твой отец*. – Он прислонился к стойке. – Кое-что произошло, пока я находился в кабинете директора. Родители Роуз вели себя, как родители. А я... находился в замешательстве.

Чай обжег язык, и я отставила чашку.

– Это безумие.

– Вообще-то, нет. Знаю, в школе я вел себя никудашно, но на то были причины. Между мной и родителями была огромная пропасть. А у нас с тобой, Клара? У нас такой проблемы нет. Поэтому нет никаких предпосылок для того, чтобы ты постоянно попадала в неприятности. Единственная причина, по которой это происходит – я расслабился, старался не перегибать с контролем, как мои родители. Но это явно привело к обратному результату. Я полностью сосредоточился на «КоБре», а не на тебе.

Из-за папиных слов защипало глаза, и я уставилась на какую-то точку на кухонной стене.

Он поставил передо мной сэндвич.

– Больше я не стану отлынивать и начну с завтрака. Ешь.

Я наморщила нос и приподняла уголок цельного белого хлеба. С соусом шрирача.

Я понюхала его.

– Хорошо.

С каждым куском меня постепенно наполняла тревога. Такой момент просветления не сулил быстрого освобождения от наказания. Папа сказал, что напишет маме, но она не связалась со мной, так что, скорее всего, это была пустая угроза. Или она ему не поверила. Они не ладили, и я знала, что мама считала папу ворчуном.

Как только я помыла посуду, мы вышли из дома. Папа как раз запирает дверь, когда запахнула занавеска в доме мистера Рамиреза, и он выглянул на улицу.

– Доброе утро! – крикнула я. Он поморщился и задернул занавеску.

– Напомни мне в качестве благодарности принести ему немного еды, – попросил папа, с хитрой улыбкой на лице закрывая дверь.

– Да, а я постараюсь ее отравить.

Мы спустились и по дороге поздоровались с соседом. Наш комплекс был небольшим и состоял всего из двенадцати квартир, располагавшихся во внутреннем дворе.

– Доброе утро, Эдриан! – крикнула миссис Мишра, поливающая розы в лавандовом велюровом спортивном костюме. Затем она смерила меня взглядом. – *Клара*.

В ответ я сердито уставилась на индийскую старушку.

– Миссис *Мишра*.

Шланг получил дополнительный сердитый взгляд. Пару лет назад она увидела, как я целовалась с парнем, и направила этот шланг на нас.

Весь наш многоквартирный комплекс состоял в основном из кучки старых стукачей. Хорошо, что моего папу мало чем действительно разозлишь: парнями в квартире, наркотиками и плохим поведением с пожилыми людьми. Разрешалось плохо относиться к идиотам, старики же были под запретом. Папа не прочил многого, и мне вполне удавалось не нарушать эти правила. Поэтому внезапное очень строгое наказание и его решение дать мне летнюю работу было чем-то новеньким. Я надеялась, что это не войдет в привычку.

Было настолько рано, что в воздухе ощущалась прохлада. Летние деньки вплоть до Дня благодарения представляли собой невыносимое пекло, но по вечерам и утрам практически всегда было прохладно. Я укуталась в толстовку и не отставала от папы. Стоянка – так называемый склад, на которой жила «КоБра», – находилась в нескольких кварталах от нас, и Роуз собиралась встретиться с нами на месте.

Мы шли по нашей холмистой улице, заполненной дуплексами, ретро-домами и небольшими квартирными комплексами. Пройдя квартал, оказались на Эхо-Парк-авеню, одной из главных улиц нашего района. Вдоль дороги, где брало начало пригородное движение, выстроились пальмы и цветущие палисандровые деревья. Кофейня уже кишела модными мамочками, толкающими коляски. Прямо через улицу, в стрип-молле, расположился небольшой винный магазин, где менялись сменами два работника – один из них завершил свой рабочий день и сейчас садился в древнюю «Тойоту Короллу». При запуске двигателя машина запротестовала.

Пока мы ждали на перекрестке зеленого сигнала светофора, к нам подошел бездомный с белыми как снег волосами и в футболке.

Папа поднял руку.

– Джерри, сегодня у меня нет налички.

Голубые глаза Джерри сверкнули; он хмыкнул и сплюнул на тротуар.

– Может, тогда у Клэры найдется?

Я покачала головой.

– Жаль, но нет. Я все лето буду работать в фургончике этого парня.

– Дело дрянь, – сказал он. В 1960-х Джерри работал посыльным. После кучи сотрясений мозга он оказался на улицах нашего района, но клялся, что просто предпочитает «жизнь без оков».

Папа пообещал отдать ему в конце дня немного еды, и мы перешли улицу. Через несколько кварталов мы миновали мою любимую палатку с фруктами – украшенную зонтиком тележку, принадлежащую латиноамериканке средних лет Каре, которая нарезала фрукт, а затем добавляла к нему сок лайма и порошок чили. Этакий фруктовый взрыв.

– Bom día, Эдриан, – сказала она и подмигнула. Он подмигнул ей в ответ.

– Buenos días, Кара.

Я закатила глаза, когда мы прошли мимо.

– Ты словно чертов мистер Роджерс⁶ Эхо-Парка.

– Кстати говоря, я тут думал о покупке кардигана.

Я резко остановилась.

– ЧТО?

Папа продолжил идти, на ходу надевая зеркальные солнечные очки.

– Мелкая, они теперь в моде.

Я пнула фиолетовый цветок с палисандрового дерева.

– В моде для таких дедушек, как ты.

– Когда ты уже поймешь, что я от природы крут?

Ему еще хватило наглости сделать вращение. Папа когда-то танцевал брейк-данс и именно этим привлек мамино внимание – своей пластичностью.

⁶ Фред МакФили Роджерс – автор и телеведущий. Снимался в детском телесериале «Наш сосед Мистер Роджерс».

Я ускорила шаг и обогнала его.

– Новое правило: между нами всегда должно быть расстояние в полтора метра.

Но из-за этого я лишь быстрее добралась до склада – и там, посреди стоянки, с огромным стаканом из «Старбакса» нас ждала Роуз Карвер.

Глава 6

– Как раз вовремя, молодец! – прогремел папа и поднял руку, чтобы дать «пять».

Роуз смущенно подняла свою, и он с энтузиазмом ударил по ней. После этого она потупила глаза и застенчиво отвернулась. Господи. Все западали на моего папу. Это так противно.

Мы с ней не поздоровались. Но я оценила ее одежду – шорты поверх черного боди. Она заметила мой взгляд и сказала:

– Что? – Затем поправила волосы. – Из-за этого *наказания* пришлось утром найти время для тренировки у станка.

– Да мне без разницы, – зевнула я.

Нас перебил папа:

– Так, малявки, план такой. Сегодня у нас вводный курс в «КоБру». Пройдемся по основам, а затем вы замените меня, чтобы я наконец почувствовал, на что похож обычный день. Поняли?

Я кивнула, а Роуз одновременно со мной елеинным голосом ответила:

– Да.

Вот подлиза.

Папа широко раскинул руки.

– Вот эту тихую стоянку мы называем хозяйственно-продовольственным складом. Здесь мы оставляем наши грузовики, подключаем их на ночь, сливаем топливо, чистим фургоны, пополняем запасы льда и даже храним еду на кухне.

Он показал на небольшое бетонное здание, расположенное в углу. Остальная часть стоянки была по периметру окружена высокими соснами. Хотя я никогда и не работала в «КоБре», но много раз приходила сюда. Повсюду была разбросана рухлядь, оставшаяся от фургонов, но мне всегда тут нравилось – создавалось ощущение, что это место отделено от города.

– Роуз, ты можешь найти «КоБру»? – спросил папа, скрестив руки. Умно устроить нечто похожее на викторину. Глаза Роуз загорелись, и она пристально рассмотрела четыре фургона, припаркованных у деревьев.

Ее взгляд тут же остановился на черном. Папа кивнул.

– Угадала. Давай подойдем и представим тебя.

Меня *бесило*, что папа одушевлял свой дурацкий фургон. Чтобы отплатить ему тем же, я называла свою грудь Брок и Чэд, что в равной степени бесило папу.

Мы подошли, и у Роуз слегка отвисла челюсть. Фургон был черным и блестящим, а под розовыми неоновыми буквами, составлявшими слово «КоБра», расположилось изображение свернувшейся змеи. Фары напоминали зловещие глаза рептилии, а золотая решетка радиатора, похожая на рот, сверкала на солнце. Когда я впервые это увидела, на меня накатила огромная волна стыда, характерного для детей, родители которых пытались строить из себя крутых.

– Ого, – выдавила из себя Роуз.

Папа весь засветился.

– Разве она не классная?

Нет, пап, ты не «крут от природы».

– Очень... привлекательная!

А она неплохо справлялась.

– Если хочешь, чтобы на глазу развилась гонорея, – пробормотала я.

Мы сели в машину Роуз и поехали по магазинам, чтобы купить продукты: красный перец, помидоры, репчатый и зеленый лук, петрушку, чеснок и груши. «КоБра» пополняла запасы по понедельникам и средам, и большая часть продуктов хранилась на складской кухне, а потом

переносилась в фургон. Слава богу, что в дни, когда не пополнялись запасы, мы начинали готовиться к работе около девяти утра.

– А мы не можем купить это все в «Вонс»? – спросила я, когда мы зашли в магазинчик в тайском районе Восточного Голливуда. Продавец громко слушала по радио тайское ток-шоу и делала вид, что нас нет.

Папа в притворном ужасе прижал к груди зеленый лук.

– Смысл в том, чтобы все было местным и соответствовало *духу* Лос-Анджелеса. «Вонс», значит. И чья ты дочь, интересно?

Он всегда употреблял такие слова, как «местное», «экологически чистое» и другие, относящиеся к еде, которые мне нравилось повторять за ним, поглощая при этом огненно-острые чипсы.

Затем мы заехали в корейскую и сальвадорскую мясные лавки, где купили говяжий костец⁷ и несколько кусков свинины. Даже забежали на индийский рынок в Этуотер Виллидж, чтобы выбрать специи. Поездка была утомительной и казалась бесконечной.

Роуз же никак не могла остановиться. Ее завораживал каждый магазин, каждая остановка. Она даже делала пометки в блокноте.

– Ты когда-нибудь бывала в Лос-Анджелесе, Калифорния? – спросила я ее, когда она восхищалась рядами чая в «Индия Свитс&Спайсис».

Она чуть не испепелила меня взглядом.

– Господи, Клэра, я когда-нибудь стану такой же крутой, как ты?

Папа позвал нас к машине прежде, чем я успела ответить, поэтому последнее слово осталось за Роуз.

Побывав во всех до единого продуктовых магазинах, мы вернулись на стоянку. До первой остановки – оживленной кофейни в Силвер-Лейк – оставалось полтора часа.

– Итак, малявки, теперь мы будем готовить. Начнем? – спросил нас папа. Он вооружился огромным мясницким ножом и надел фартук с символикой «КоБры».

Роуз снова достала блокнот.

– Да.

А затем начала как-то странно прерывисто дышать. Вероятно, это какое-то упражнение от Шерил Сандберг или кого-то еще, предназначенное для тренировки властности. Не успела я над ней посмеяться, как заметила папин выжидающий взгляд. Я скривилась.

– Мне не нужны *пометки*.

Я ждала надменной издевки от Роуз, но она только глядела в блокнот и что-то читала, шевеля губами. Так-так-так, королева Карвер в кои-то веки была растеряна. Мне же уверенности хватало за глаза и уши. Чем быстрее я со всем разберусь, тем быстрее смогу с этим закончить и доказать папе, что усвоила урок, бла-бла-бла. Впереди все еще маячил Тулум.

В «КоБре» подавали два основных блюда:

- Пиканью – говяжий костец, поджаренный на шпаяках (в стиле бразильского чураско) в традиционном корейском маринаде кальби.

- Ломбо – свинья вырезка, поджаренная в стиле чураско в остром соусе винегрет (по аналогии с пико-де-гайо).

Еще в меню присутствовали различные маринованные овощи, которые можно было добавить в качестве гарнира (очень по-корейски), напитки домашнего приготовления, такие как кальдо-де-кана (сок тростникового сахара с добавлением лайма) и пирожки с кимчи и сыром – традиционная бразильская выпечка. И мое самое любимое блюдо, кстати.

Все было очень вкусным.

⁷ Костец – треугольный кусок, вырезанный из самой верхней части середины бедра (задней ноги) говяжьей туши.

– Так, у нас на обед уже есть мясо, – сказал папа, показывая на поджаривающиеся на небольшом гриле куски говядины на шпажках. Вдобавок к грилю фургон было оборудован жарочной поверхностью, двумя конфорками и духовкой. Кондиционер отсутствовал, поэтому в крыше фургона открывались окна, а в углу папа установил вентилятор. Как и ожидалось, фургон уже превращался в мини-теплицу. По моему лбу стекла капелька пота, и я сердито уставилась на Роуз, потому что это все – ее вина.

Чтобы куски пиканьи не засыхали, их нужно было вовремя снять со шпажек. А пока они все еще готовились, папа продолжил:

– Да, но мы сделаем мясо и на вечер.

Он заставил нас приготовить для говядины маринад кальби: для этого надо было смешать соевый соус, кунжутное масло, сахар, кучу чеснока, кунжутные семечки, корейский красный перец, лук, имбирь и тонкие ломтики груши.

– Ты подаешь мне ингредиенты, а я смешиваю, – приказала я Роуз.

Она уперла руку в бок.

– Что, прости?

– Это фургон моего папы и у меня приоритет.

За моей спиной кто-то прокашлялся.

– Повтори-ка, – попросил папа. Я прикрыла глаза. И так будет все время.

– Вы обе равны. Никаких приоритетов! Ты что, *прикалываешься*?

Папа стукнул по козырьку кепки, отчего та съехала на глаза.

Роуз схватила металлическую миску и венчик.

– Ты, наверное, знаешь, где тут все находится, так что не проще ли тебе подавать ингредиенты?

– А она права, – отметил папа, не скрывая восторга. Когда Роуз все смешала, он положил в огромную металлическую миску кострец и полил его маринадом. – Это отставим. У нас уже есть маринованное мясо для следующей остановки. А это должно пропитываться как минимум три часа. Потом мы вернемся к нему и начнем жарить.

Он обмотал миску пищевой пленкой и отнес в огромный складской холодильник.

Папа считал необходимым каждый раз готовить свежий маринад.

– Вероятно, если бы мы сделали большую порцию, она бы дольше хранилась и была бы приятнее на вкус, но мне нравится ощущать свежесть маринада на жареном мясе. Он другой, – произнес отец, передавая мне ингредиенты для винегрета: лук, помидоры, петрушку, уксус, оливковое масло и болгарский перец. Роуз записывала все, а в кепке и фартуке выглядела просто безупречно, словно училась в Гарвардской школе фургончиков с едой.

– Можно мне, пожалуйста, приготовить соус? – спросила я ее, размахивая перед Роуз деревянной ложкой.

Она пожала плечами.

– Конечно, я не против.

Стиснув зубы, я смешала ингредиенты в большой металлической миске. Насколько я знаю, в «КоБре» все готовилось в огромных металлических мисках – наподобие чанов, в которых пожилые корейки, аджумы⁸, готовят кимчи. В таких мелочах проявлялись папины корейские корни, чего, я думаю, он даже не замечал.

Напоследок осталась выпечка. Я любила ее с самого детства. Это жаренные во фритюре пирожки в форме полумесяца с подогнутыми краями – в исполнении «КоБры». Традиционно, в Бразилии, их готовили с мясом, например, говяжьим фаршем и курицей или с сыром и овощами, и продавали на улице. Мой папа внес нечто свое и делал их с кимчи и сыром. Когда он придумал это сочетание несколько лет назад, я пришла в ужас. *Кимчи и сыр*? В пирожке? Но,

⁸ Аджума – замужняя женщина (пер. с корейского).

откусив тающий во рту хрустящий кусок, я изменила свое мнение. И теперь «КоБра» славится своей выпечкой.

Тесто было заранее приготовлено папой. Сам он стоял, уперев руки в бока.

– Будете ругаться из-за того, кто раскатывает тесто?

Мы с Роуз переглянулись.

– Ты можешь заняться этим, – великодушно предложила я.

Роуз улыбнулась поджав губы и неприветливо посмотрела на меня.

– Нет, давай ты.

– Нет, ты.

Папа вздохнул и снял кепку.

– Вы испытываете мое терпение. Роуз, твоя очередь.

Ха! Я ненавидела раскатывать тесто – когда папа готовил пирожки, я всегда пропускала этот шаг. У меня не получалось превратить его в идеальный круг, а тонкие края разваливались во время лепки.

Роуз глубоко вдохнула и взяла у папы скалку. Он немного помог ей, пока она возилась с тестом на стойке, а потом вырезала круги металлическим кольцом размером с десертную тарелку. Сначала у нее не получилось – тесто порвалось. Я чувствовала, как она сдерживала в себе разочарование, зубами кусая нижнюю губу. Наконец ей удалось сделать все верно, но было видно, что эта ошибка продолжала ее беспокоить. Господи.

Папа позволил мне раскладывать в каждый кружок нарезанную моцареллу. После этого я выложила на сыр тонкие полоски кимчи и, добавив в конце по небольшому кубику масла, защипнула тесто. Отец засунул пирожки в духовку, где они должны были слегка запечься, после чего их следовало поджарить во фритюре.

Через час все свежее и обжигающе горячее будет подано покупателям.

– Не так уж плохо, да? – спросил с улыбкой папа, кинув в меня полотенцем.

Я пожала плечами и специально позволила полотенцу упасть на пол к ногам. Роуз подняла его кончиками пальцев и кинула в раковину.

– Подлиза, – пробормотала я.

Папа покачал головой и устроился на водительском сиденье.

Глава 7

Обычно «КоБра» делала две-три остановки в день и радовала клиентов без выходных. Во время учебного года, когда на папу работали Вивиан и другие частично занятые сотрудники, он брал выходной. Но этим летом нас было всего трое, и приходилось выходить на смену как минимум пять дней в неделю.

Первая остановка длилась с десяти утра до двух, и мы, в зависимости от дня, подъезжали либо к какому-нибудь кафе, либо к офисному парку или киностудии. Вечерняя смена начиналась в пять, и мы обычно останавливались у баров или участвовали в городских мероприятиях – фестивалях или фермерских ярмарках. И только в воскресенье вечером «КоБра» делала перерыв.

В этот понедельник папа решил ограничиться одной остановкой, потому что большую часть дня нужно было посвятить нашему обучению.

Я ехала с папой в фургоне, а Роуз ждала нас у кофейни под названием «Уайлдфокс», которая была забита до отказа. Все посетители выглядели моложе тридцати и сидели, уткнувшись в ноутбуки.

– В этом городе хоть кто-то работает? – проворчала я, надевая кепку.

Роуз чуть не ударила меня локтем, когда надевала поверх боди фирменную футболку.

– Это называется *фрилансом*.

– А это называется *сарказмом*, лишённая чувства юмора подхалимка, – огрызнулась я.

– *Что?!* – закричала Роуз.

Между нами втиснулся папа.

– Разберитесь уже между собой, не то выкину вас отсюда.

После такого разноса Роуз тут же выпрямилась.

Я щелкнула жвачкой.

– Хорошо.

Перед тем как открыть окно, папа сфотографировал меня и Роуз для аккаунта в «Инстаграме». Попытался заставить нас улыбнуться, но мы отказались.

– Эх, вы, – покачал он головой. – Кстати, мы фиксируем каждую остановку, поэтому я дам вам пароли от всех наших аккаунтов в соцсетях.

В голове замелькали картинки самых странных вещей, какие я могла бы сделать, имея такую власть.

Папа показал на меня телефоном.

– Даже не думай об этом. Я буду просматривать каждый пост и в любой момент удалять ненужное.

– У вас есть инструкции? – спросила Роуз, снова достав свой блокнот.

Я фыркнула.

– Разве так сложно сделать фотографию?

Папа ткнул меня пальцем в висок. Очень по-корейски.

– Роуз, не волнуйся, я отправлю тебе по почте все, что нужно знать.

Она вся засветилась, а папа потер руки.

– Итак, а теперь все по-настоящему. Девушки... Дамы... Неважно. Клэра, мы будем подавать еду. Роуз, ты принимаешь заказы.

– Сама? – спросила та, в ее голосе непривычно слышался испуг.

Он улыбнулся ей, и испуг сменился обожанием. *Бе*.

– Не волнуйся, я подойду и помогу, – сказал он, потрепав ее за подбородок. Она упорхнула к окну приема заказов.

Не успела я порадоваться работе на кухне, как папа приказал:

– Через полчаса поменяетесь.

Затем распахнул окна. Просто так, без какого-либо предупреждения. Роуз выпучила глаза, и я поняла, что она тоже очень удивлена.

К нам уже выстроилась очередь. Роуз нервно пригладила футболку и бросила взгляд на папу – казалось, ждала разрешения.

– Иди и спроси, что они хотят, – подсказал он и ободряюще кивнул.

Она склонилась над стойкой и заговорила громко и четко:

– Привет, что хотите заказать сегодня?

Я засмеялась.

– Ты говоришь, как робот.

Папа снова ткнул меня пальцем в висок.

– Прекрати, Клара. Приготовься.

Он подтолкнул меня к еде, лежащей на стойке напротив окон.

Робкий белый парень в очках в светло-коричневой оправе заказал ломбо и пирожок, и папа громко повторил мне заказ. Роуз завозила с кассой, уронив на пол пачку наличных.

– О господи!

Папа поднял их и протянул ей прежде, чем она успела наклониться.

– Все в порядке, Роуз, – успокоил он и подмигнул. Она улыбнулась, но при следующем заказе все равно выглядела напуганной. Черт, а она реально нервничала.

Вся эта нервозность вдруг передалась и мне. Почему я оказалась в этом идиотском положении? Потела над плитой, беспокоилась из-за дурацких обеденных заказов, когда должна была плавать в бассейне на надувном единороге. Я глубоко вздохнула, а затем начала готовить ингредиенты – позже папа их соберет.

Все шло гладко, пока не посыпались заказы. Измученная латиноамериканка с густой черной челкой и пирсингом в носу заказала пять разных блюд и десять пирожков.

Под кепкой скопился пот, в нос постоянно лезла выбившаяся прядь волос; я изо всех сил торопилась все подготовить.

– Какого черта? Она что, обслуживает банкет в этой дурацкой кофейне? – прокричала я, открывая банку с маринованной японской редькой.

– Вы приготовили один ломбо вместо пиканьи! – нервно воскликнула Роуз; в ее голосе явно звучала паника. В этом фургоне было так мало места, что я чувствовала на своей спине ее дыхание, когда она кричала.

Папа выкладывал очередную порцию пирожков.

– Все нормально, можешь...

– Так *разберись* с этим! – прокричала я в отчаянии. При этом подняла руку, и в воздух взлетела перчатка, которая была надета не до конца. Я повернулась посмотреть, куда она упала, и оказалась лицом к лицу (точнее, лицом к шее) с Роуз.

Испачканная кимчи перчатка прилипла к ее щеке.

Я расхохоталась, и в этот момент с улицы кто-то закричал:

– Эй, где мои пирожки?

– Сейчас иду! – ответила Роуз и сорвала перчатку с лица.

– *Сейчас иду!* – передразнила я ее пронзительным голосом. Не смогла сдержаться – уровень стресса зашкаливал, и негодование несколько не утихло. На самом деле, оно даже стало еще больше.

Папа отдавал еду в окошко.

– Клара! – гаркнул он.

– Ты можешь просто делать свою *работу*? – огрызнулась Роуз. – Ведешь себя, как клоун.

Я без всякой мысли стянула вторую перчатку и швырнула ей в лицо, да так сильно, что она издала соответствующий шлепок.

Роуз ахнула и прижала руку к щеке.

Между нами снова втиснулся папа.

– Богом клянусь, что выгоню вас отсюда, если не успокоитесь. Вы можете повзрослеть хотя бы на три секунды?

Роуз кивнула, глубоко вдохнула и снова пригладила футболку. Как будто эта манипуляция придавала ей магических успокаивающих сил.

– Простите, Эдриан, – сказала она, робко улыбаясь.

Он посмотрел на меня, скрестив руки, отчего на его предплечье показалась татуировка с датой моего рождения, написанная готическим шрифтом.

Я откинула голову назад и закатила глаза.

– *Ла-а-адно.*

Она снова начала принимать заказы, а я – готовить и собирать их. Только я завернула пирожки в фольгу, как Роуз наткнулась на меня, потянувшись к кассе. Мы сердито уставились друг на друга, но ни слова не произнесли, чувствуя на себе папин взгляд. Зато когда я повернулась, чтобы передать пирожки папе, Роуз снова отступила назад и ударила меня плечом в голову, отчего череп пронзила острая боль. Я схватилась за голову.

– Осторожнее, клуша!

– Это *ты* осторожнее! – При этих словах Роуз взмахнула рукой и сбила на пол миску с винегретом.

Мы застыли. Папа повернулся на звук и выругался.

– Вы надо мной прикалываетесь?

Его голос обрел смешную пискливость.

– Простите! – сказала Роуз и потянулась за полотенцем.

Я подняла миску.

– Тебе кто-нибудь говорил, что постоянно извиняющиеся девушки раздражают?

Она бросила полотенце на пол, и оно приземлилось с громким шлепком.

– Ну все. Я пыталась быть благородной и не обращать внимания на твое дурацкое отношение. Но тебя надо поставить на место!

Злость Роуз оживила меня. Я хрипло хохотнула.

– Здесь тебе не Элизий⁹. В этих стенах у тебя нет *власти*.

Ее лицо оказалось в нескольких сантиметрах от моего.

– Посмотрим.

Ожидающий у окна своего заказа парень хлопнул в ладоши над головой.

– Драка, драка!

– МОЧИ!

Мы уставились на папу. Он покачал головой.

– Прекратите. Хватит. Вы не только ведете себя как дети, но и вредите моему бизнесу!

Через несколько секунд мы оказались на тротуаре, и папа запер дверь «КоБры». Я заколотила по ней, но он отказался открывать.

– Па! – закричала я. – Ты ведешь себя, как настоящий тиран.

Я пнула дверь и устремила прочь, сбросив на землю кепку.

Роуз побрела следом. Я негодовала, не знала, куда теперь идти, но еще больше меня бесило то, что эта девчонка шла за мной.

– Ты не можешь просто пойти к своей машине? – закипела я, быстро шагая по тротуару. Она не ответила, но все равно поплелась за мной. Где она припарковалась?

– Что, теперь неохота со мной говорить? – спросила я, оглянувшись.

⁹ Элизий – в античной мифологии часть загробного мира, где царит вечная весна, а избранные герои проводят дни без печали и забот.

Она вскипела.

– А ты что, окончательно превратишься в жабу, если замолчишь хотя бы на минуту?

Я смерила ее взглядом.

– Не завидуй моей харизме.

Она скривилась.

Я стиснула зубы.

– Ты понимаешь, что это все случилось из-за тебя? Если бы на балу у тебя не съехала крыша, мы не влипли бы.

Мы прошли мимо компании хипстеров, которые засмеялись из-за моего громкого голоса. Я показала им средний палец.

Мне почти было слышно, как Роуз закатила глаза.

– Если бы не твое нарциссическое желание приколоться на балу и перевести все внимание на себя, мы не влипли бы.

Я остановилась и развернулась к ней.

– Нарциссическое? Я *развлекалась*. Это был акт благородства – кому-то надо было оживить эти танцы.

Она усмехнулась и подошла ко мне вплотную, своей позой бросая мне вызов.

– Я знаю тебя со средней школы. Ты – классический нарцисс. Нездоровое чувство собственной значимости, потребность во внимании, основанная на проблеме отсутствия рядом матери...

Во мне разгорелась неконтролируемая злость, которую я обычно сдерживала.

– ...и сейчас будет самое смешное – ты не испытываешь никакого сочувствия к другим. Не удивляйся, что твои приколы могут однажды кому-то навредить. Ты, например, знала, что Кэти Тамайю очень хотела стать королевой бала? Что ее младшая сестра недавно попала в аварию и сильно пострадала, а Кэти, возможно, было бы приятно выиграть?

Теперь она повысила голос.

Я на долю секунды ощутила вину, но злость снова одержала верх.

– Откуда я должна была это знать? Не *моя* вина, что ее сестра пострадала или что она получила недостаточно голосов! Я просто хотела *пошутить*! – В данный момент я уже кричала.

Меня перебил громкий свист.

– Девочки, можете отойти?

Я заметила выглядывающего из мастерской по ремонту обуви мужчину. Он раздраженно смотрел на нас.

– Это *вы* отойдите, сэр! – огрызнулась я и понеслась прочь, оставив Роуз стоять на месте.

Доехав до дома на автобусе, я пошла напрямик в ванную. Сердце колотилось, а руки вспотели. Я ополоснула лицо холодной водой, стараясь смыть с себя самодовольство Роуз. Кем она, черт возьми, себя возомнила? Вся такая добрая и совершенно не эгоистичная, вывалила на меня целую кучу несусветной чуши. И откуда я могла знать про чертову Кэти Тамайю и ее сестру?!

Во мне забурило вина – коварная, незнакомая и совсем неприветливая. Я спряталась в комнате и начала читать роман Джона Гришэма, который читала столько раз, что обложка уже была вся потрепана. Затем врубила *Motown* и устроилась на подушках, а на моей голове уютно разлеглась Фло.

Но, обнаружив, что уже пятый раз начинаю с одного и того же абзаца, я откинула книгу в сторону, отчего Фло заворчала и спрыгнула с моей головы.

– Уж простите меня, Королева по лизанию задниц, – пробормотала я и достала телефон. Зашла на «Фейсбук» и глубоко вздохнула. В панели поиска напечатала «Кэти Тамайю». Зайдя на ее страничку, я увидела ее на балу в блестящем серебристом платье. Пролистала дальше

и нашла ссылку на сбор средств для ее сестры, Джилл. Ссылка сопровождалась фотографией маленькой филиппинки лет десяти. Блестящие черные волосы, широкая улыбка, ямочки на щеках. Я закусила губу. *Господи.*

Затем нажала на ссылку и прочитала об аварии, в которой несколько недель назад пострадала Джилл. А потом о медицинских счетах.

Хорошо, что я уже давно запомнила номер папиной кредитки. Я перевела тридцать долларов, затем написала на листочке записку и просунула под его дверь.

Пап, я должна тебе денег, ты увидишь списание по кредитной карте.

Глава 8

Папа заставил нас взять два выходных. Меня это обрадовало, пока я не поняла, что он собирался провести воспитательную беседу: он не попросил мистера Рамиреза проверять меня и не приготовил завтрак.

Я отправилась погулять с Патриком и Феликсом, но не почувствовала никакого удовольствия. Папа никогда до этого не наказывал меня молчанием.

Я постаралась умаслить его пищей и просмотром спортивных каналов, но он проигнорировал меня и сразу отправился спать. *Даже не поужинав.* Папа мог пропустить прием пищи только в одном случае – когда мучился от ужасной диареи. Но даже это иногда не останавливало его.

На второй день наказания я накрасилась как клоун, и, надев оранжевый парик, уселась в темноте на диване, поджидая его с работы. Но когда он не отреагировал и сразу поднялся в свою комнату, я поняла – все серьезно. Папа отказался дурачиться с клоуном.

На второй день сурового игнорирования я позвонила маме, нуждаясь в сочувствии человека, который меня поймет.

Пришлось звонить по «Фейстайм», потому что по-другому мама отказывалась разговаривать. Ответив, она даже не успела поздороваться, как раздался пронзительный смех. Картинка задержалась, и я поморщилась.

– Мам!

– Клэра, секундочку! – Она засмеялась, и камера показала ее лицо, но тоже скачками. Я отвернулась, чтобы не затошнило.

Наконец она сфокусировала ее на себе – с взъерошенными волосами и идеальными бровями.

– Привет, дочка, прости. Мы тут снимаем для «Уимзи».

– Что такое «Уимзи» и где ты?

Я начинала сердиться: она снова на что-то отвлекалась.

Меня на секунду ослепила вспышка солнечного света, проникавшего в окно за ее спиной.

– «Уимзи» – новый парикмахерский онлайн-сервис, и я в Бруклине!

– Правда? – Меня приободрило, что она находилась хотя бы в одной стране со мной. – И надолго?

– Уезжаю через пару дней, на торговую ярмарку в Италии.

Я рухнула на кровать и уставилась на желтый свет, пробивавшийся сквозь потрепанные занавески.

– А, на эту итальянскую ерунду.

Она засмеялась, обнажив зубы – белые и с винирами, недавно установленными каким-то крутым стоматологом в обмен на то, что она вышла в эфир во время этой процедуры.

– Однажды мы поедem туда вместе и объединимся пастой.

Я закрыла глаза и представила себе день, когда перестану сидеть в Лос-Анджелесе все лето, засыхая, словно пустынное растение.

– Как у тебя дела? – спросила она, прерывая мои грезы о поедании джелато в вымощенном переулке.

– Папа на меня злится.

– Оу. Что наделала?

– Почему ты думаешь, что это я?

От ее резкого смеха я поежилась.

– Ой, да ладно тебе, Клэра.

Я не смогла сдержать улыбку.

– Ну, первый рабочий день с Роуз в фургоне прошел не так уж замечательно.

– Я уверена, что ты несколько преуменьшила.

Мою маму так просто не обмануть, потому что мы очень похожи. Когда я пыталась что-то приукрасить или изобразить спокойствие, она тут же меня раскусывала.

– Просто мы поругались. Ничего нового. Мы с Роуз никогда не ладили.

– Но придется. Ты же работаешь с ней все лето?

Фло решила, что настал идеальный момент запрыгнуть на меня, и болезненно нажала своей крепкой лапой на мою грудь. Я поморщилась, но не прогнала ее, потому что старалась быть милосердной с животными.

– Да. Но не волнуйся! Я в любом случае попробую выбраться в Тулум.

Тихий голос на заднем плане не дал маме ответить, и она посмотрела куда-то влево. Бруклин вдруг показался мне в световых годах отсюда.

– Клэра, мне пора. Не волнуйся по поводу Эдриана – ты знаешь, что он всегда уступает. Возьми его измором!

После этих слов она отправила мне, точнее телефону, воздушный поцелуй и отключилась.

Тем вечером я легла спать, все еще ощущая беспокойство и мечтая об огромной тарелке спагетти.

В четверг утром меня снова разбудил ослепительный солнечный свет. Я прищурилась и увидела рядом с окном папу, попивающего кофе.

– Жду тебя внизу через пятнадцать минут, мелкая.

Чувство успокоения за доли секунды вытащило меня из кровати. Папа ждал меня с тостом с авокадо и чаем в термосе. Не самый любимый завтрак, но я не жаловалась – просто радовалась, что он со мной заговорил.

Он надел свои безупречные черные кроссовки с неоновыми-зелеными полосками по бокам.

– Так, сегодня сделаем две остановки. Роуз подъедет к первой. И, клянусь богом, Клара, если вы не разберетесь, как работать вместе, я придумаю наказание похуже.

Я впиалась зубами в тост.

– Да-да. – И решила не показывать свою радость от того, что папа снова со мной разговаривал, прикрыв улыбку хлебом.

Загрузив еду, мы с папой отправились в Пасадену к северо-востоку от нас. Правда, для этого пришлось ехать по первой автомагистрали на западе США, по 110-ой. Это довольно круто, только полосы здесь очень узкие, как дорожки для велосипедистов, а заезды и съезды, длиной не больше шестидесяти сантиметров, часто примыкают к автомагистрали под углом в девяносто градусов.

И в этот раз я сидела за рулем.

– Мне как-то страшновато, – сказала я, сжимая руль вспотевшими руками.

Папа хлопнул меня по плечу.

– Ты отлично справляешься. Я еще в прошлом году научил тебя ездить по этой автомагистрали.

– Да, но на нормальной машине, а не на «КоБре»!

– Ты справишься.

Как будто достаточно было лишь его уверенности в моих навыках вождения.

Наконец мы съехали с жуткой автомагистрали и целыми добрались до пункта назначения: офисного парка с зеленой травой, большими тенистыми деревьями и депрессивной архитектурой 1980-х годов.

– О, вот здесь должна умереть твоя молодость, – объявила я, когда мы подъехали к месту.

Припарковав фургон возле лужайки параллельно тротуару, я краем глаза уловила какое-то движение: на углу стоял азиатский парень примерно моего возраста и держал в руке табличку в форме стрелы, с помощью которых обычно что-то рекламируют. На ней было написано: «Пора выпить кофе» и красовалась нарисованная от руки чашка с горячим напитком.

Я хотела отвести от него взгляд, но не смогла. Он был хорош. Сначала подкидывал табличку в воздух и ловил ее за спиной. Затем, когда это надоело, сделал сальто назад и, стоя на руках, поднял табличку *ногами*.

– Что этот парень подмешивает в свой кофе? – спросила я, усмехнувшись.

Папа проследил за моим взглядом и улыбнулся. Выпрыгнул из фургона и заорал:

– Эй!

Парень, в этот момент крутивший табличку на голове, как пропеллер вертолета, остановился.

– Привет, Эдриан! – крикнул он и пошел в нашу сторону легкими пружинистыми шагами; его тело казалось таким гибким и упругим... как у лабрадора. Они с папой стукнулись кулаками, пошевелили пальцами, шлепнули друг друга по рукам, а потом как-то странно коснулись локтями. Хорошо, вы бро, мы поняли.

После этого он посмотрел на фургон, и я чуть не поперхнулась. Вблизи Лабрадор оказался очень привлекательным.

Он совсем не был моим типажом – обычно я западала на парней слегка истощенных и измученных. Этот парень выглядел свежим и энергичным: широкие плечи и худощавое, но мускулистое телосложение бегуна, густые волосы коротко острижены, но несколько волнистых прядей лезут в глаза, высокие скулы и самая прекрасная кожа, какой может похвастаться представитель мужского пола – он практически *светился*. Напоминал фотографию, которая выпадает при поиске «счастливый красивый азиатский парень».

– Привет, ты, наверное, Клэра! – воскликнул он и подошел к фургону, широко улыбаясь. Его очень острые зубы как будто сверкали в солнечных лучах.

Я удивленно моргнула.

Лабрадор, все еще растягиваясь в улыбке, ловко упер табличку в бедро и протянул руку.

– Гамлет Вонг.

Я уставилась на руку, затем снова перевела взгляд на него. Кто, черт побери, в нашем возрасте *пожимает руки*? В ответ я просто подняла свою.

– Привет. Тебя зовут Гамлет?

– Да, – невозмутимо ответил он.

– Почему твои родители так с тобой поступили?

Стоящий за ним папа покачал головой.

– Клара.

Я разыграла простодушие.

– Что? Это честный вопрос!

Гамлет пожал плечами.

– О, понимаю. Моим родителям, э-э... захотелось назвать меня в честь принца.

Он нарочито громко рассмеялся, напугав меня.

А вот мое удивление было искренним.

– Датского принца, в честь которого никого на всем белом свете не называют?

Не успел он ответить, как рядом со мной магическим образом выросла Роуз. Похоже, приехала раньше нас.

– Здравствуй, я Роуз Карвер, – представилась она и протянула руку. Улыбка этой девушки ослепляла. И почему я не удивилась, когда они пожали друг другу руки?

Глаза Гамлета загорелись еще больше, чем прежде.

– Ничего себе! Не знал, что у вас новый работник.

Папа прислонился к дверному проему фургона.

– Девчонки работают этим летом в «КоБре» в качестве наказания.

– Серьезно? – Брови Гамлета почти скрылись в его потрясающих волосах. – И что вы натворили?

Я посмотрела на Роуз.

– Пусть сама расскажет. Ведь она так же объективна, как «Фокс Ньюз».

Та лишь взмахнула головой – будь ее волосы длиннее, точно попали бы по моему лицу.

– Мы поругались и почти... ну...

– Ты напала на меня, и мы чуть не сожгли школу, – процедила я.

Гамлет удивленно поднес руку ко рту.

– Да ладно!

Роуз бросила в мою сторону недовольный взгляд.

– Не преувеличивай. – Затем посмотрела на Гамлета, и на долю секунды в ее глазах отразилось смущение. – Мы ее не поджигали! И кстати, мы подрались только из-за ее выходки на балу...

– Что за выходка? – Гамлет повернулся ко мне, и его глаза засверкали. – Мне нравятся такие истории.

Я нахмурилась. Вспомнился момент, когда какая-то женщина показала на мою футболку с кровавым кроликом и сказала: «Мне нравятся креативные футболки». И в тот момент было не по себе от ее искренней серьезности.

– Я повторила концовку «Кэрри».

На его лице отразилась растерянность. Эмоции этого парня было легко считать.

– Ты о чем?

– Что значит «о чем»? – спросила я почти так же растерянно.

– Что такое «Кэрри»?

У меня отвисла челюсть.

– Ты не знаешь о «Кэрри»? Господи, неужто ты живешь в пещере?

Он пожал плечами.

– Я вырос в Пекине.

Роуз подошла ближе к нему, попутно пихнув меня плечом.

– Ого! Когда ты сюда переехал? У тебя безупречный английский.

Я зацокала.

– Это так по-расистски.

Она закусил губу, сгорая от стыда.

– Ой! Нет, я не имела в виду...

Гамлет засмеялся и поднял руки. Две прекрасные сильные руки с изящными пальцами.

– Нет-нет, все нормально! Я переехал сюда в шестом классе. У меня было время хорошо его изучить.

Роуз склонила голову и улыбнулась.

– Круто! Мне хотелось бы как-нибудь обсудить с тобой этот опыт.

Ради всего святого.

– О, конечно! Но мне надо бежать, скоро начнется вторая смена, – с сожалением произнес он, поднимая табличку. – Было приятно с вами познакомиться. Уверен, мы еще встретимся этим летом, да?

Это мое воображение, или он смотрел на меня чуть дольше необходимого?

Сказав это, Гамлет убежал, оставив нас с ухмыляющимся папой.

– Эх, девчонки.

– Что? – воскликнула Роуз, заправляя волосы под кепку. Затем посмотрела на меня. – Как думаешь, он обиделся на мой комментарий относительно его английского?

Но я проигнорировала ее вопрос. Мое внимание было приковано к Гамлету, который побежал к кофейному киоску, спрятавшемуся под большим тенистым деревом. Он снял с себя футболку, потянув за заднюю часть ворота. Во рту пересохло. Он целых две секунды стоял с обнаженным торсом во всем своем великолепии, прежде чем надеть белую футболку-поло, темно-синий фартук и кепку в цвет, после чего принялся готовить клиенту кофе.

– Какого черта? – громко спросила я, показывая на Гамлета. Папа и Роуз повернулись к нему. Заметив нас, парень помахал и закричал:

– Мастер на все руки!

Я рассмеялась. Папа снова усмехнулся, и я кинула в него полотенце.

Глава 9

Утром и в обед очередь была небольшой, и мы отлично справились. Нам с Роуз даже не пришлось разговаривать. Она обслуживала покупателей, а я снова отвечала за еду. Затем мы поменялись. Папа помогал, и, невзирая на несколько небольших промахов (нельзя надолго оставлять масло на сковородке и отдавать человеку двадцатку вместо пятерки), первая остановка прошла гладко.

Гамлет то и дело выкрикивал нам свои шутки, а один раз даже принес холодные напитки. И каждый раз я чувствовала, что его взгляд задерживается на мне на секунду дольше, чем нужно. Хм. Этот чудак что, запал на меня? Я тут же отбросила эту мысль – не хотелось бы заводить летний роман в фургончике с едой. Нужно было просто быстрее закончить с этой работой.

Наша остановка в Пасадене закончилась, и мы отправились обратно на стоянку, чтобы сделать перерыв, а потом поехать к бару в Эхо-Парке, где надеялись застать «счастливей час» и вечернюю толпу.

После уборки в фургоне Роуз села на пассажирское сиденье и достала толстый учебник по биологии.

– Самое настоящее пляжное чтение, – сказала я, запирая шкафчики с запасами еды.

Она ответила, не глядя на меня:

– Я пропускаю летнюю школу, поэтому посещаю вечерние занятия в местном колледже. Ты же не против, проныра?

– Это твоя скучная жизнь, не моя.

Она вставила наушники и положила учебник на колени. Папа занялся расчетами и проверкой новостей в соцсетях, поэтому я успела сбежать за мороженым в винный магазин через улицу.

Время пролетело чертовски быстро; мы вернулись к работе и подъехали к бару, когда небо уже окрасилось в бледно-персиковый цвет. Там было много народу. Казалось, как только становишься взрослым, твоя жизнь начинает вращаться вокруг бокала розового вина.

Припарковав фургон, я надела кепку и фартук и включила жарочную поверхность. Роуз припарковалась рядом с нами, забежала в фургон и достала кассу и айпад с мобильным терминалом.

Папа открыл окно заказов и повернулся к нам.

– Готовы? – строго спросил он.

– Ага, – ответила Роуз, нацепив на лицо дипломатическую улыбку.

Я показала большие пальцы в перчатках.

Некоторое время все шло гладко; работа в «КоБре» напоминала отлично поставленный танец. Места было так мало, что нам пришлось найти способ не выходить за пределы наших маленьких территорий. Сыграло на руку и то, что я невысокая – папа с Роуз могли дотянуться до расположенных надо мной предметов, а я легко ныряла под их руками, доставая то, что мне нужно.

Только я настроилась и собралась насадить на шпажку говядину, как услышала раскат знакомого смеха. Кожу закололо.

– Феликс, возьми мне пирожок, хорошо?

Это Синтия и Феликс.

– Эй, а это ведь фургон папы Клэры, да?

И Патрик.

Я забилась в дальний от окна угол. Как их сюда занесло?!

Папа подошел ко мне, чтобы взять тарелку с пиканьей.

– Клара, что ты делаешь? Подготовь два заказа по пирожкам.

– Тсс, пап. Там мои друзья-идиоты. Не хочу сейчас иметь с ними дело, – громко прошептала я.

Но фургон был маленьким, а Роуз обладала слухом летучей мыши. Она высунула голову в окно, практически встав на цыпочки, из-за чего половина ее тела оказалась на улице.

– Привет! Вы – *друзья Клэры*? – прокричала она.

– Тсс! – зашипела я и еще сильнее забилась в угол.

Снова послышался голос Патрика:

– Роуз?

В нем присутствовали растерянность и удивление.

Роуз помахала.

– Привет, ребят. Вы разве не слышали? Мы с Клэрой этим летом работаем в «КоБре».

На самом деле, они не слышали. Они знали, что я должна работать, но про Роуз я умолчала. Даже не знаю, почему. Иногда мне просто не хотелось слушать шуточки Патрика и Феликса. Они могли быть слишком утомительными.

– Она сейчас здесь, – заявила Роуз и с улыбкой посмотрела на меня, словно самый настоящий злодей из мультика.

Передав папе два пирожка, я нехотя подошла к окну и проговорила Роуз одними губами:

– Ты труп.

Когда я выглянула на улицу, сердце ушло в пятки. Там были не только Патрик, Феликс и Синтия, но и другие ребята, с которыми мы тусовались. Они явно использовали фальшивые удостоверения, чтобы пробраться сегодня в бар. Во мне снова разгорелись зависть и возмущение.

– Как дела? – спросила я как можно беззаботнее.

Патрик и Феликс улыбались, а Синтия... Вероятно, она была рада хотя бы раз увидеть меня в щекотливом положении. Она держалась за руку Феликса с меньшим собственническим инстинктом, ее джинсовая куртка была обвязана вокруг талии.

Феликс похлопал себя по голове.

– Отличная кепка, Клэра.

– Выглядишь *очаровательно*, – захихикала Синтия.

– Уж лучше, чем твоя потрепанная с «Кабсами¹⁰», – парировала я, обратившись к Феликсу. – Кстати, у меня до сих пор такая есть.

На Синтию я даже не посмотрела, но почувствовала ее взгляд. Меня так просто не сломить.

– Общение продолжите после закрытия, ребята, – сказал папа, выдавая заказ в окно. – Клара, вернись на кухню.

Жар пробрался вверх по шее. Патрик посмотрел на меня широко раскрытыми глазами и склонил голову, телепатически передавая мне: «Выбирайся оттуда».

Каждая часть меня хотела кинуть на пол кепку и присоединиться к ним – желательно выпрыгнув в окно ласточкой прямо в толпу людей.

¹⁰ «Чикаго Кабс» (*англ.* Chicago Cubs) – профессиональный бейсбольный клуб, выступающий в Центральном дивизионе Национальной лиги Главной лиги бейсбола.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.